

В. К. Мамонтов¹УРОК УКРАИНСКОГО. КАК ИЗБЕЖАТЬ МАЙДАНА
РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ И ЕГО РОДИНЕ?

Есть у меня знакомый, который любит повторять: «Ты просто еще не дорос до понимания европейских ценностей, демократии. Понимаешь, демократия — это классическая музыка политики и общественной жизни. Брамс. Дебюсси. А ты все Дунаевского слушаешь». «Не без этого, — отвечаю, — есть такой грех». Но! Про Брамса врать не буду, а Дебюсси недавно слушал, симфоническую поэму «Море». Понравилось. Детство вспомнилось, бухта Горностай и ловля чилимов. Берет за душу. Да и не вяжется, честно говоря: не может быть демократия такой нежной. Прямо рафинад и кружева. «Сноб ты, — говорю, — а не демократ, раз не подпускаешь в свой уютный круг нас, широкозахватных поклонников разного, не всегда евроутонченного».

Так вот и жили, ведя беседы: он мне Европой в харю тычет, а я ему родной заставой под дых. И хорошо жили. Ему без меня трудно: над кем трунить? Перед кем перья распускать и на чьем фоне утонченно выделяться? Да и я, человек сугубо городской и в очках, вдруг ощущал в себе некую былинность, когда уязвлял его недостаточной верой в Олимпиаду, царя и Отечество.

Вообще симбиоз заклятых друзей, ролевые игры в убеждения и пристрастия — вещь очень важная, слегка волнующая и демонстрирующая здоровье общественного организма. Приведу свою любимую байку про милого украинского националиста, который, едва приеду в Киев, обрушивал на меня рассказы о гетманах, оселедцах, Лесях-поэтессах, пел, декламировал, плясал гопака, не забывая костерить меня имперцем. Я выносил это не просто терпеливо, а с неподдельным интересом, поскольку... Поскольку это и вправду было мне небезразлично.

Однажды я поинтересовался: «А чего ты не компостируешь всем этим мозги американским друзьям? У тебя ж их полно. А с нетерпением ждешь меня?». «Воны мене не слухають», — честно признался он и закручинился.

Парадокс нынешней ситуации на Украине в том, что, всячески дистанцируясь от России, гоня пургу

про «живое творчество масс, следовавшее за Майданом» (копирайт Вадима Карасева, украинского политолога), подчеркивая, что теперь «никогда мы не станем братьями», коллеги приаттачены к России намертво. Из их чайний в Европе вскоре будут делать собачий корм, а сказать-то ничего нельзя — пан прогневається.

И получается, что кроме нас, тоталитарных россиян, некому быть выруганными, обвиненными, некому излить душу, некого обштопать по-мелкому, некого потроллить «старшим братом», некого позадирать так, чтобы довольство и тепло разлилось по украинским головным полушариям. Добре, добре, пусть покрутится москальский чертяка на виртуальной сковороде, раз уж так получилось с реальным котлом. Да не забудет прислать угля и газу по самой низкой цене, а мы пока договариваемся насчет летального оружия. А что? Главное ведь верить, что украинская государственность с живым творчеством масс в летальной опасности, и ясно, откуда опасность! Ну не от Байдена же, не от Саакашвили, не от Нуланд — це братья и сестры.

Правда, есть одна закавыка: чем дальше заходит конфликт, тем серьезнее наши с приятелем лица, тем злее обвинения, тем отвязнее лексика, тем тоннельнее сознание. Увы, я и по себе это замечаю. С каких-то пор я перестал умиляться вышиванками. Да и мой националист мне не звонит и не пишет. Зато на программе «Пятого канала» познакомился по скайпу с депутатом Рады Гончаренко, тем самым, что в Одессе. Его в ближайшем эфире российского телеканала спрашивают: «А как вы оцените с точки зрения евросвобод запрет на аккредитацию наших журналистов? Отмену въезда по внутренним паспортам?». А он отвечает: «Что говорить о ваших журналистах у нас, если меня задержали у вас?».

«Это мы знаем, — говорим, — и некоторые вам даже сочувствуют, хотя после Одессы это непросто. Сейчас не об этом. Как насчет цензуры, отключения телеканалов и прямого запрета?». И он слово в слово повторяет: «Что говорить о ваших журналистах у нас, если меня задержали у вас?». «Может, там пленку заело?» — подумал я. Но эфир-то прямой! По скайпу! Какая пленка? Ведущий сделал еще один заход. И опять ответ тот же.

¹ Журналист, политолог, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

Это тупик, граждане. Мы с ними как с людьми, а они считают нормальным жечь «колорадов» в Одессе, прилетать в Москву на похороны Немцова, показывать справку о травме живота. Последнее, видимо, правда, поскольку ненависть тут и правда животная. Такого спрашиваешь: «Любишь, что ли, Бандеру, уважаешь Шухевича?». А он: «Майдан пробудил живое творчество масс». — «Млеешь, что ли, от волынской резни?». А он: «А у меня на границе 15 минут проверили паспорт». — «Считаешь, что российские СМИ надо запретить, их журналистов выслать, и это есть путь в Европу? Полагаешь, что Крым тоже заслужил участь Донецка и Луганска, где тысячи полегли от снарядов карателей?». А он: «В Москве мне живот травмировали».

После таких бесед смотрю я в мрачные закоулки своей души и думаю: «А может, парадоксально прав Виктор Шендерович в своей последней биоклассификации, и мы не только не братья, но и разные биологические виды с некоторыми поганцами?». Но нет, гоню эту мысль, потому что в силу традиционного советско-дарвинистского образования знаю: все мы люди, все человеки. И Шендерович, и Шухевич, даже Саня Билый. Что уж про отдельных депутатов Рады говорить?

Я, конечно, тоскую по временам, когда мы в Киеве могли спорить с визави у Днепра, а потом слушать — хоть Дунаевского, хоть Дебюсси. Но я наберусь терпения и подожду. Терпение и прощение — это ведь тоже вполне европейские ценности, с излишком — к счастью для многих травмированных животов — свойственные русскому человеку. Так говорит во мне кто-то прежний, добрый, остаточный советский. Но оформляется во мне и другой, скрывать не стану. Поясню на примере.

Неделикатная история с приглашением, а вернее, с неприглашением нашего президента на скорбные церемонии в Освенцим в моих глазах окончательно оформила тенденцию. «Цивилизованный мир» высказал то, что давно хотел, что вертелось на его раздвоенном языке, что кислой жижей хлюпало у горла: во Второй мировой войне никакой освободительной миссии у советского воина не было, напрасно на памятнике в Вене ему каску золотят. И девочку в Трептов-парке доверили зря. Что для несчастной изменилось? Одну оккупацию сменила другая. Один тоталитарный режим был повержен другим, неся немолодой, но прекрасной девочке-Европе ровно то же: лагеря, притеснения, страдания, несвободу и моральный гнет, не говоря уже о групповых изнасилованиях озверевшей советской солдатней.

Пока эту новую инфоправду о войне и истории озвучивает не Меркель, не Кэмерон, ее доверено оглашать младшеньким. Подручным, которые, известное дело, хотя бы святее Папы. Арсений Яценюк уже сформулировал и вбросил в общественное сознание поднапуганного «коллективного Шарли» тезис о «вторжении» России в Германию — и на Украину.

А чего? «Нам объявили, Киев бомбили...» Собрались с силами — и вторглись, отобрали Киев у немцев и надругались над ним сами: возвели на Крещатику домов сталинской архитектуры, настроили мрачных

военных заводов и буквально угнали в Россию самых здоровых и толковых хлопцев работать у себя в Москве министрами, полководцами, директорами, главными конструкторами и генеральными секретарями.

Зачем все это реакционным кругам Запада? (Всплыла формулировочка, как живая.) Я думаю, что это информационная подготовка к тому, чтобы объявить россиянам «колорадами и ватниками» в мировом масштабе. Я уже не уверен: а надо ли мне и тут терпение проявлять? А хватит ли его? Ведь нагледят на глазах: в «Дойче велле» вышла премилая статейка человека с говорящим именем Иван (скорее всего, не помнящий родства), который сформулировал с холодной прямоотой: Кремль после Крыма и Донецка (а я бы добавил — и Олимпиады) окончательно сопоставился с предвоенным Берлином-агрессором (жаль, нету своей Рифеншталь), утратил право быть наследником Великой Победы, потому и перестали звать президента на церемонии.

Откуда-то знаю, что дальше: через пару-тройку ходов не только Путину, но и нам всем будет предписано покаяться в зверском изнасиловании девочки-старушки и возобновить у нее принудительный закуп яблок, сыра и фуа-гра. И ведь палить будут из всех пропагандистских стволов, так что до небес достанут, даже до отца-орденоносца, который после каждого ранения менял воинскую специальность (снайпер, разведчик, сапер), превращая его из героя, «грудью защитившего страну», в тупое орудие тоталитарного режима, в вату, в жука. В варвара и гунна. Когда-то Стинг пел перестроечную песню про русских, которые «тоже любят детей». Мягкотелость и легковерие: русские любят кушать детей на завтрак! Тот факт, что гибнут в ходе европеизации Украины дети Донецка, в песнях не отражен. И не будет: в новую концепцию не вписывается.

По легенде, Кейтель, подписывая капитуляцию, с интересом поглядел на французов: «А эти, что, тоже нас победили?». В новейшей истории, как она задумана, победили все, кроме нас. Даже Латвия. Как это доказать, если по Прибалтике эсэсовцы заново ходят маршами? Настойчиво и методично пояснять, вдалбливать, что не такие уж и эсэсовцы. Эсэсовцы-лайт. Эсэсовцы-патриоты, боровшиеся с советской оккупацией, которая в своих зверствах дошла до того, что трагика на оккупированного прибалтийского гражданина в разы больше, чем на россиянина-завоевателя. И использовать председательство в Евросоюзе, чтобы запретить в ЮНЕСКО выставку «Угнанное детство», повествующую о судьбе юных узников концлагеря Саласпилс (песня тут же всплыла). Именно так: воспрепятствовать, используя юридические закавыки, с формулировкой: мол, выставка вредит современному имиджу Латвии.

К имиджу и вреду позже вернемся. А пока заметим: экспозиция была подготовлена в рамках памятных мероприятий, посвященных холокосту. Даже если громко не поминать лишний раз глобального, общечеловеческого значения памяти о трагедии, а просто учитывать обиходное, традиционно трепетное отношение к ней, которое стало частью облика всякого цивилизо-

ванного человека, отмена выставки — это за гранью. Это значит, что прошла команда: святым-таки можно немножко поступиться ради сиюминутной политической выгоды.

В сущности, мы видим это не впервые: эсэсовские символы на касках карательных батальонов, укрощающих Донецк, девочка-Европа старательно не замечает, поскольку теперь поддерживает любого — лишь бы против ужасной России. Даже еврейский погром можно теперь простить или хотя бы не вспоминать о нем лишний раз, если громили, убивали и резали в ходе борьбы с советской оккупацией прародители новых еврогероев, которым, разумеется, слава.

Вот почему стране — освободительнице Освенцима не место на траурной церемонии: о ее роли требуется плавно забыть, а поминальная молитва по холокосту теперь звучит только для своих. Вот почему выставка о детях — жертвах Саласпилса может быть развернута в Москве (там ее даже Макфол посетил), но не может в ЮНЕСКО. Ведь современному имиджу Латвии вредит горестная и жесткая правда о том, как еврохуторяне, не стесняясь, покупали себе угнанных ребятишек по 15 марок за штуку; как тысячами гибли те из них, кого в рабы не взяли; как советский зверь-освободитель спас оставшихся, а новые национал-демократы со временем превратили их в неграждан, лишив элементарных прав.

При этом западники все время волнуются, «оставляет ли Россия открытой дверь», прощупывают, а не дадим ли мы где слабину. Сошлюсь на опыт пребывания в Валдайском клубе, представительной площадке международных экспертов. Первое, что заметно: каждый из политологов немного солипсист, услышал в речи Владимира Путина то, что хотел. А наиболее опытные — что полагается хотеть по принадлежности к научной школе, назовем это так. Трактуют речь на все лады: сравнивая, к примеру, с Фултонской речью Черчилля напрямую (пугал Запад медведем) и наизусть, зорко углядев в пассаже с тайгой, быком и Юпитером запрос на мировую гармонию. По мне, если и был там некий запрос, то на глоток ключевой воды (свежего воздуха, доброго вина, настоящей любви) посередь душающего лицемерия мировой политики, пропахшей насквозь кислой капустой вранья, обьевишейся стандартно безвкусным фастфудом пропаганды. Какой-то не гамбургской, не мужской, вертлявой — и при этом коварной, жестокой и мстительной. Когда ты говоришь по телефону и убеждаешь в миролюбии («Да если бы я хотел взять Киев, то взял бы за две недели»), а они, положив трубку, сообщают на весь свет: «Через две недели Путин возьмет Киев. Сам сказал, не постеснялся, русское чудовище».

Кстати сказать, в речи действительно есть пассаж, который проясняет, насколько чудовищны планы России, а заодно и рецепт, как их порушить: «Если кто-то попытается опять решить украинскую проблему военным путем, тот загонит ситуацию в окончательный тупик». По-моему, Путин по-хорошему просил не заго-

нять Россию в тупик, из которого ей придется выходить нежелательным, вынужденным, трагическим, но единственным достойным для себя способом: двухнедельным победоносным марш-броском к стенам матери городов русских.

Коснусь и тех, кто представляет западную точку зрения в Отечестве. Их легко узнать по некоторым типичным штрихам. Они приветствовали «восставший в Киеве народ»; сетовали, что там оный выбрал свободу, а наш — Олимпиаду; клеймили Януковича за убийства. Это удивительные персонажи. В промежутках они вписываются за Шендеровича, следят за новинками Берлинского кинофестиваля, зевают на «Нимфоманке» и открывают для себя новые московские рестораны, куда вечером не протолкнешься без предварительной записи. Все друг друга лайкают, меланхолично ждут кто погрома, кто спутника и... ничего не боятся, потому что твердо знают: не будет им за это никакого порицания.

Слов нет, действующая украинская злочинна влада была народу не сильно мила. А тамошний президент довилился, доигрался, запутался и сам себя обхитрил. Но никакого народа на Майдане нет, как не было его в Москве у Белого дома в 1993 году, не говоря уж об Оккупай Абае: простите, но у меня домотканые, старинные, но нерушимые понятия о народе.

Я искренне не понимаю, как можно обожать Бродского, ценить в красном вине разумный танин — и поддерживать бандеровцев и эсэсовцев, которые, пользуясь тестообразностью украинской власти, провели в Киеве госпереворот. На это мне, страдальчески скривившись, отвечают, что это не совсем эсэсовцы и недобандеровцы, а отчасти борцы за свободу и демократию. На экране телевизора при этом бинтуют раненого беркутовца. А толпа скотов приковывает к ограде настоящего мужика, губернатора, который не отрекается. «Это зомбоящик, — еще сильнее скривившись, поясняют мне, — надо смотреть другие каналы». Пробую. Но дым и огонь Майдана уже проникли и на самые европейские, самые сочувствующие телеэкраны. Тогда мне поясняют, что поначалу Майдан был мирным, нежным, как барвинок, а в его радикализации повинен Янукович. Конечно, я могу достать из рукава козыри: сколько тысяч наследников Степана Бандеры, мастеров уличных боев и митингов подготовлено в последние годы на Западной Украине; закидать ссылками на спеццов, которые давно и наглядно показали, как, на какие деньги и в каких таких школах натаскивают организаторов беспорядков, но я чувствую, что мои оппоненты и без меня все это знают. Но не принимают в расчет, не хотят, в упор не видят.

Простите тавтологию, но видя и слыша это, все лучше понимаю: все меньше я уважаю «глобальные интересы», ценности, демократию и т. д. Все меньше они напоминают Дебюсси. От них не гармония, а гарь, порох, несчастья. И яснее осознаю интересы свои, за которые придется побороться по-настоящему.

Такой вот урок украинского.